

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

СПЕЦНАЗ ПРОТИВ КОРРУПЦИИ

РОМАН

Роман Уланов

Александр Тамоников

Яд власти

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Яд власти / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2018 — (Роман Уланов)

ISBN 978-5-04-096805-3

Исключительная правда о войне, какой бы она ни была. Суммарный тираж книг автора – около 10 миллионов экземпляров. Уволенный в запас майор спецназа Роман Уланов едет домой. В купе он становится свидетелем убийства заместителя мэра крупного города. Перед смертью чиновник успевает сообщить Уланову фамилию человека из ФСБ, которому нужно передать важные сведения. Уланов и его соратники расшифровывают данные и узнают много «интересного» из жизни властей предрежащих. Честные спецназовцы оказываются втянутыми в грязные махинации местных коррупционеров и смертельно опасную аферу наркоторговцев. Для майора Уланова начинается новая война...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096805-3

© Тамоников А. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	21
Глава третья	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Тамоников

Яд власти

© Тамоников А. А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава первая

Автоматная очередь выбила штукатурку в каких-то сантиметрах от защитного шлема командира группы российского спецназа «Шторм» майора Уланова. Он тут же упал на бетонный пол, усыпанный мусором, перекатился, чтобы уйти с линии огня, укрылся за опрокинутым порванным креслом. Стреляли из соседнего дома через проем окна. И это было плохо. Это означало одно, боевики получили поддержку. Ситуация и без этого складывалась неблагоприятная, теперь же положение боевой группы еще более усложнилось. Никто ни в штабе группировки, ни сам майор Уланов не смог просчитать, что, выполнив главную задачу операции по захвату главаря одного из крупнейших бандформирований так называемого «Великого Халифата» Рахима Аль-Аграна, попадет в переплет на крайнем рубеже маршрута отхода. Да, предполагалось, что боевики, придя в себя после нападения, организуют преследование и отрабатывали варианты сброса «хвоста», но все же угодили по сути в засаду. В полуразрушенном трехэтажном доме, в каких-то пятистах метрах от позиций правительственных войск, расположенных в третьем квартале Восточного Алеппо. Заместитель Аль-Аграна оказался неплохо подготовленным профи. Он не бросил банду вслед за группой противника, понимая, что отход будет прикрыт, этот чертов вояка подвел ее именно к этому дому обходом с юга. Маневр удался. Впрочем, рассчитать маршрут отхода спецназа несложно. Другого пути просто не существовало. И «Шторм» успел бы опередить боевиков, если не балласт в виде главаря банды, что пришлось тащить на себе, так как обе ноги Аль-Аграна были прострелены. И это не ошибка подгруппы захвата. Аль-Агран сопротивлялся. Пришлось обезножить. И тащить на себе, теряя драгоценное время. На счастье, и боевики не успели полностью занять дом. Они вошли в здание практически одновременно с группой. Прапорщик Молчунов, выставленный в передовое охранение, первым увидел двух бородатых, выскочивших в длинный коридор, из которого шли входы в квартиры и, будучи по штату вторым снайпером группы, прибил «духов» выстрелами из бесшумного «Винтореза», сообщив о боевиках Уланову. Еще двух боевиков спецназовцы срезали на подходе к дому. А дальше от южного здания появилась толпа человек в десять, ведя слепой огонь в сторону группы. Повезло, никого пули не задела, не повезло, что духи ворвались в дом. Он представлял собой трехэтажное здание, похожее на российскую мало-семейку. Два фланговых подъезда, две лестницы с обоих торцов, на всех этажах коридоры, выходы на плоскую крышу. На фасаде, обращенном к тылу южного дома, балконы. Вернее, длинные лоджии, широкие ступенчатые перегородки. Местами уцелевшие, местами разрушенные. В стенах дыры от снарядов, ни одной двери или окна, только проемы, в квартирах еще оставалась мебель, точнее, остатки мебели и повсюду битый кирпич, куски бетона и штукатурки. Мгновенно оценив обстановку, понимая, что боевики попытаются встретить спецназ на первом этаже, Уланов приказал группе разделиться на две подгруппы. По внешней лестнице, непонятно для чего пристроенной к дому, он со стрелком-сапером, старшим лейтенантом Костей Демко и первым снайпером, прапорщиком Геной Лазаревым успели занять две ближние к винтовой лестнице квартиры 2-го этажа. В южной сам Уланов, в северной стрелок и снайпер. Заместитель, капитан Дмитрий Чернов, старший лейтенант Андрей Лютиков и второй снайпер прапорщик Саша Молчунов с раненым Аль-Аграном укрылись этажом выше и дальше от лестницы. Но это было все, что смогли сделать спецназовцы. Прорвавшиеся к дому боевики заблокировали всю западную часть и прошли к восточной по первому этажу. Также укрылись. Подыхать в атаке никто из них не желал. Заместитель Аль-Аграна делал все грамотно. Зачем посылать людей на смерть, когда у противника нет другого выхода, кроме прорыва. А к нему игольницы, видимо, подготовились. А тут еще подкрепление и занятие им позиций в южном доме.

Из-за проема Уланов вызвал на связь, постучав по микрофону портативной радиостанции ограниченного двадцатью метрами радиуса действия, работавшей к тому же на резервной частоте, неизвестной боевикам, старшего лейтенанта Демко:

– «Третий»! «Первый»!

Старший лейтенант ответил:

– Да?!

– Как вы?

– Как мыши в мышеловке.

– Моя хата обстреляна из южного дома.

– У нас северные соседи молчат. Что будем делать, командир?

– Обстановка в коридоре?

– Секунду.

Демко лег у проема, выглянул, и тут же фонтаны, образованные пулями автомата, поднялись перед проемом.

– «Духи» с запада, заперли нас крепко. Видел, как обстреляли, не успел нос высунуть в коридор?

– Слышал очередь.

– Такая вот обстановка. Что делать-то будем?

– Прорываться, другого выхода у нас нет.

– И каким, интересно, образом?

– Готовьте «Муху».

– Принял.

Майор Уланов переключился на заместителя:

– «Второй»!

– Отвечаю, – услышал майор в динамике наушника, вставленного в ушную раковину.

– Обстановка?

– С запада «духи» устроили огневую позицию. Набросали баракла всякого, установили пулемет РПК. Их двое. Остальные скорей всего на лестнице.

– Их позиция у окна?

– У проема торца.

– Из соседних зданий не стреляют?

– Нет! А по вам что, бьют?

– По моей квартире дал очередь бородатый. Думаю, к отряду, что блокировал западную часть дома, подошло подкрепление. Но небольшое, иначе «духи» набросали бы нам «подарков» из РПГ.

Заместитель поинтересовался:

– Какое решение принял?

– Решение одно, «Второй», прорыв.

– Не вижу, как это можно сделать. А тут еще этот Али-Баба лежит в углу скалится, врубился, что нам путь отхода перекрыли.

– Это пока промедол действует, скалится. Скоро выть будет.

– И что нам от этого?

– То, что ему гораздо хуже, чем нам.

– Пока! Слушай, Улан, – уже открытым текстом выдал Чернов, – а может, прибьем Али-Бабу? Тогда и прорваться легче будет.

– А за каким хреном, «Второй», мы ходили в гости к «духам»?

Капитан ответил:

Разгромили командный пункт, положили главаря, с ним десяток бородатых. Нормальный результат.

– А какая задача поставлена группе?

Капитан вздохнул:

– Понятно. Значит, тащим Али-Бабу?

– С чего ты его Али-Бабой назвал?

– А черт его знает. Вспомнил детские сказки.

– Ты по возможности контролируй коридор, подготовь парней к броску по коридору и лестнице и жди приказа.

– Не знаю, что ты придумал, но твоя уверенность вселяет оптимизм.

– До связи!

– До связи!

Не успел майор переключить станцию, как дом тряхнуло от взрыва, повалил дым вперемежку с пылью.

Уланов вновь вызвал Чернова:

– Что произошло?

– Насколько понимаю, «духи» обвалили восточный пролет между первым и вторым этажами.

– Я должен знать точно.

– Из лестничного проема валит дым. Оттуда летят крупные фрагменты бетона и металла.

Это подрыв пролета.

– Лишили нас пути отхода по первому этажу?

– Черт их, бородатых, знает. На хрена рвать лестницу, если они контролируют ее?

– Ладно. Жди приказа!

– Жду.

Сигналом вызова сработала специальная, основная радиостанция командира группы. Это была одна из последних разработок отечественного военпрома. Станция, напоминавшая кнопочный сотовый телефон с выдвижной антенной с радиусом действия до пяти километров. Радиус специальной станции «Эхо» обеспечивал мощный ретранслятор, который находился в штабе сирийского пехотного батальона, переданный туда из Хмеймима на время работы группы спецназа.

– «Шторм» на связи! – ответил Уланов.

– «Батый»!

Это был позывной куратора группы полковника Смолинского. Уж почему он взял или ему присвоили этот позывной, не знал никто. На ордынца он никак не был похож.

– Да, слушаю!

– Ну что, Улан, нашлись и на тебя гусары?

– Мне не до шуток. Группа по сути заперта в каменном мешке. Мы на втором и третьем этажах дома, обозначенного как крайний рубеж отхода. «Духи» контролируют одну лестницу, пролет другой, скорей всего, подорвали. К ним подошло подкрепление, моя позиция была обстреляна из южного дома.

Полковник передал:

– Это не подкрепление, там рядом с тобой сидит наблюдатель батальона правительственных войск. Он видел все. В южном доме один из стрелков отряда, который блокировал вас. Уберите его, легче станет.

– Легче станет, если оставим здесь Аль-Агрانا.

– Это исключено. Главарь банды должен быть у меня.

– Но вы сами-то понимаете, что нам не пробиться, таща груз.

– Не понимаю и не хочу понимать. У тебя один вариант, Улан, это выход к коллектору, это в двадцати метрах северо-западнее дома. Но ты сам знаешь, где он. Вам надо пробиться туда.

– Как?

– Думай, Улан. Но думай быстро. Подкрепление действительно идет к отряду блокады, сейчас оно в трех кварталах от вас. Так что у тебя на решение проблемы не более получаса.

Уланов спросил:

– Сирийцы помочь не могут?

– Нет! Они в огневом контакте с основными силами Аль-Аграна. Понесший серьезные потери батальон не сможет прорвать оборону игиловцев. Так что работать придется самостоятельно.

– Я понял. Значит, полчаса.

– Не более. Я жду в штабе. В коллектор комбат сирийцев вышлет людей, чтобы тащили главаря банды, но до этого пробивайся сам.

– Принял, «Батый»!

– Тебе тяжело, Улан. Но безвыходных положений нет. Есть люди, которые не могут найти выход. Ты к их числу не относишься.

– Не будем терять время. Есть у меня план. А уж сработает или нет, как по «ящику» говорят – время покажет. До встречи.

– Я очень жду вас.

Связь оборвалась.

Командир группы вложил в чехол специальную станцию, включил рацию малого радиуса. По сути это было переговорное устройство. Он вызвал снайпера Лазарева:

– «Пятый»! Ответь!

– Отвечаю.

– Занять позицию у проема. Я покажусь стрелку из соседнего дома, ты должен засечь его и снять. Ты же видишь проем окна комнаты, где нахожусь я?

– Ограниченный сектор.

– Должно хватить.

– Но это рискованно, командир.

– Он не успеет выстрелить, если не промажешь ты. И, смотри, не показись «духам» в торце.

– Понял.

– Готов?

Через полминуты:

– Готов! Выставил зеркало. Вижу стрелка. Этот черт даже не прячется, морда на виду. Смотрит на проем, рядом автомат.

– Работаем!

Командир группы встал и вышел на пространство, видимое вражеским стрелком. Тот поднял автомат, майор упал на битый кирпич, прозвучал хлопок «Винтореза» – бесшумной снайперской винтовки!

И сразу же доклад:

– Есть, командир. Влепил «духу» пулю меж глаз!

– Молодец! Я на крышу.

– Куда? – удивился прапорщик.

– Душно здесь и пыльно. Проветрюсь. «Третьему» привести гранатомет «Муха» в боевое положение, тебе подготовить дымовую шашку. И без вопросов. Действия по команде.

Уланов привел станцию в режим «Приема», забросил автомат за спину, вышел на балкон. Подсознательно он ждал очереди или выстрела. Но улица промолчала.

Майор полез по балконам, благо перегородки ступенчатые и это можно было сделать без особых усилий, на крышу.

Там откатился от парапета, выдохнул воздух, проговорив:

– Ну вот и ладненько.

Пригнувшись, стараясь не шуметь, он пробежал до торца. И здесь его ждал приятный сюрприз в виде прямой железной лестницы, закрепленной на парапете и спускавшейся до первого этажа. На ней и на подступах к дому никого, в двадцати метрах северо-западнее крышка люка в вожделенный коллектор. Добраться бы туда. Но до этого...

Он расстегнул сумку, ввернул запалы в гранаты РГД-5 и Ф-1. Начал спуск. Ему предстояло пройти всего один этаж.

Прошел без проблем.

У проема торцевого окна замер. Услышал, как переговариваются боевики. И на позиции, и на лестнице. Чего они ждали? Подхода подкрепления? Возможно. А возможно чего-то другого. Например, прорыва противника. Сами атаковать они не решались. Из-за плененного главаря. Наверняка тоже имели приказ освободить его. Но ладно... работа есть работа. Майор достал первую гранату, выдернул зубами кольцо предохранительной чеки и забросил ее в коридор. Время замедления запала три-четыре секунды. Но, как показалось Улану, взрыв прогремел раньше. Кто-то выкрикнул.

Он переключил рацию:

– «Третий»!

– Да?

– С «Мухой» по полу в коридор и выстрел! Быстро!

– Принял!

Отдав приказ, Уланов бросил в сторону лестницы еще две гранаты, одну мощную Ф-1, уклонился в сторону. Прогремели взрывы. Одновременно из проема второго этажа вырвалось огненное облако. Доклад:

– «Третий, «Первому», позиция «духов» уничтожена!

Уланов приказал:

– Бегом к лестнице. Отстреливая всех, кто встретится, выход в коридор третьего этажа.

– Выполняем.

Майор переключился на заместителя:

– «Второй»!

– Да?!

– Как фейерверк?

– Отлично, командир! Только дыма и пыли полно, ни хрена не видно.

– Контролируйте коридор. К вам идут мои. Да и я тоже.

– А ты где сейчас?

– Совсем рядом. Молчунову готовить Али-Бабу, тьфу, прилипло, Аль-Агрana к транспортировке.

– Он уже ноет! Действие обезболивающего препарата заканчивается.

– Выдержит еще! По хрен его вопли.

– Понял! Неужели уйдем?

– А ты как думал? Все нормально.

Снизу раздались очереди и тут же стихли, затем одиночный выстрел, топот ботинок. Очередь. Падение тела и голоса:

– Командир, Демко, мы на площадке, «духов» уничтожили. Заходи, гостем будешь.

Майор Уланов перепрыгнул в коридор. Впереди развороченная пулеметная ячейка, два трупа, третий немного поодаль по коридору, два тела на площадке. Там же старший лейтенант Демко и прапорщик Лазарев. Сапер-стрелок улыбался:

– Это ты хорошо, командир, придумал, забросать «духов» гранатами. Мы валили уже последних. Как на стрельбище.

– Все уничтожены? Проверяли?

– Так точно, – ответил Лазарев, – лично осмотрел каждого. Там на первом этаже еще один был, я прибил его.

– Молодец.

Из восточной части коридора раздался крик заместителя:

– Рома?! Можем выходить?

– Выходите!

Раздался ор из комнаты, где находилась вторая подгруппа.

Кричал Аль-Агран.

Уланов приказал:

– Вколите ему промедол и тащите сюда.

Уланов посмотрел на часы, прошло пятнадцать минут. Еще столько же осталось на завершение отхода. Но это по расчету полковника Смолинского, а сколько дадут времени боевики, только им и известно. Заместитель Аль-Аграна может и мобильную группу на пикапах с пулеметами «Браунинг» сюда выслать, не ясно, почему раньше не выслал, понадеялся на отряд? А гранатометов больше не осталось, все «Мухи» использовали. Так что надо поторопиться.

Он приказал Чернову:

– Дима, живее!

Он повернулся к Демко и Лазареву:

– Вниз, на первый этаж, беглый осмотр, выход во двор, оценка обстановки, укрытие, доклад мне. На все пять минут. Вперед!

Старший лейтенант и прапорщик рванулись по лестнице.

В это время Лютиков и Молчунов вынесли продолжавшего орать, обезболивающее еще не действовало, полевого командира ИГИЛ.

– Быстро, парни, быстро.

– Да куда уж быстрее, – проговорил прапорщик, – этот бычара тяжелый. Отъелся, сука, на гуманитарных продуктах, что отнимал у женщин и детей. Убил бы.

– Тащи, Молчун, и молчи. К этому тебя даже фамилия обязывает.

Раненого, который немного успокоился, но сверкал глазами, в которых отсвечивали лютая ненависть, злоба и страх, подтащили к лестничной площадке. Одновременно прошел вызов старшего лейтенанта Лютикова:

– «Четвертый», «Первому»!

– Да?!

– Во дворе чисто, с востока какой-то отдаленный шум.

– Шум чего?

– Определить невозможно. Но возможно пикапы.

– Черт бы их побрал. Лазарь?!

– Я, – ответил прапорщик-снайпер.

– Дымовые шашки.

Лазарев постучал по подсумку:

– Здесь они родимые, две штуки, крышки свинченны.

– Добро. Вперед.

Горячий, но чистый воздух заполнил легкие. Но не время на расслабуху.

Уланов приказал:

– Демко, Лазарь впереди, за ним Лютик и Молчун с балластом, мы с Черновым прикрываем. Шашки, Гена.

Прапорщик передал майору дымовые шашки.

Группа двинулась к соседнему колодцу, ведущему в коллектор, а тот прямо в расположение сирийского батальона.

Заместитель Аль-Аграна действительно решил пустить в ход пикапы. Две «Тойоты». Они вышли из-за южного дома, когда группа подошла к колодцу. Боевики у пулеметов увидели ее сразу. Больше во дворе попросту никого не было.

Клацнули затворы.

Улан крикнул:

– На землю, за естественные укрытия, продвигаясь к колодцу.

Сам же, вырвав шнур, бросил в сторону пикапов дымовые шашки.

Повалил дым, майор и капитан открыли огонь в сторону пикапов. Оттуда донеслись вопли, ударил один пулемет, пули вздыбили грунт метрах в трех от заместителя. Заработал второй «Браунинг», его стрелок взял заметно левее, разнеся «детскую горку». Странно даже подумать, что ЗДЕСЬ когда-то играли дети. Четверо спецназовцев с полевым командиром благополучно спустились в коллектор.

Чернов взглянул на Уланова:

– Пора и нам, Рома, иначе пулеметы достанут.

– Отползаем к колодцу.

Но в эту минуту грунт вспахали мелкие фонтаны. Это от пуль автоматов. Уланов повернулся левее, увидел приближающихся пятерых боевиков, стрелявших по направлению. Они не видели целей.

Уланов приказал заместителю:

– Дима, в коллектор!

– А ты?

– А я прикрою. Не хватало еще, чтобы «духи» успели нам в шахту закинуть пару гранат. Их надо задержать. Уходи, это приказ!

Капитан подчинился.

Уланов положил трех из пяти, у двоих оставшихся, видимо, пропал боевой пыл, они залегли за бетонными обломками.

Уланов стал сдавать к колодцу.

Оглянулся, и вовремя.

Метрах в тридцати с тыла подходила еще троица духов.

Поняв, что обнаружены, они вскинули автоматы.

Уланов опередил их, тремя прицельными короткими очередями выбив всех троих. Он нажал на спусковой крючок, чтобы дать очередь всеоружем, но вместо выстрела услышал щелчок. Все, магазин пуст. И когда только успел расстрелять тридцать патронов? Перезаряжать автомат времени не было. Уланов юркнул в колодец. И опять вовремя. Пулемет «Браунинга» ударил вокруг колодца, прогремел рядом взрыв. Это уже ручная граната.

Он буквально слетел по короткой лестнице и влетел в бетонный желоб коллектора, если бы не Чернов, который поймал командира.

– Твою мать, – выругался майор, – мог и башку свернуть.

– Бежим, командир, «духи» скоро забросают колодец гранатами.

– Если не устроят преследование.

– Вряд ли, они-то знают, куда ведет коллектор и куда мы пойдем. Хотя... могут.

Офицеры добежали до изгиба по тухлой жиже, когда за спиной прогремели сразу три взрыва. Взвизгнули осколки. Пришлось падать в зловонную канаву. Отрикошетив, осколки ударились в стену изгиба.

Уланов запросил старшего лейтенанта Демко:

– «Третий», «Первый»!

– Да?! Где вы, что у вас?

– У нас порядок, что с вами, осколки не заделали?

– Они не долетели до нас.

– Ну и отлично. Догоняем.

Чернов предложил:

– Может, на всякий случай пару растяжек поставить? Кто знает, что у «духов» на уме, ломанутся сдуру следом, а если еще и с огнеметом...

– Ставь, но быстро.

Труба коллектора диаметром около двух метров не имела ничего, за что можно было бы зацепить проволоку, а вот на днище со временем куски арматуры обломились.

Чернов натянул проволоку, один конец которой прикрепил к кольцу предохранительной чеки гранаты Ф-1, имеющей разлет осколков до двухсот метров. Вторую растяжку поставил на удалении в пятьдесят, продвигаясь по коллектору на северо-запад. Вскоре догнали основную группу. А через двести метров, аккуратно обойдя открытый второй колодец, глотнув немного свежего воздуха, увидели впереди свет фонаря. Шедший впереди Демко вскинул автомат.

И тут же голос на русском с акцентом:

– Офицер! Мы из батальона майора Шахани, высланы к вам навстречу.

– Кто конкретно выслал? Сам майор?

– Да, но по приказу вашего полковника Сомолинина, Сломинова, фамилия у него сложный.

– Смолинский?

– Да, да, Смолинский, я же говорил, сложный фамилия. Он приказал, проводить в Броды. Броды назывался учебный центр спецназа у одноименного селения. Игиловцы о нем знать не могли.

– Сколько вас?

– Отделение семь человек, я сержант Али Хуни.

– Стоять, где стоите и погасите фонари.

Сирийцы подчинились.

Уланов, слышавший все это, достал специальную радиостанцию. Это мощная станция, похожая на сотовый телефон, работала даже под землей.

– «Батый»! «Шторм»!

– Вы где? Что у вас? – с ходу начал задавать вопросы полковник. Беспокоился, видимо.

– У нас порядок, находимся в коллекторе, прошли второй колодец и... встретились с вооруженными людьми.

– Это отделение разведвзвода батальона майора Шахани. Старший у них сержант Али Хуни. У него на лице шрам над левой бровью, и он должен назвать слово «Броды»!

– Назвал, а вот на шрам мы посмотрим.

– Это лишнее, вы уже в нейтральной зоне, оборонительный кордон формирования Аграна прошли, миновав второй колодец.

– Но боевики могли выйти в нейтральную зону и спуститься по колодцу в коллектор, положить отделение батальона и выступить вместо них.

– Тогда мы уже не разговаривали с тобой. Впрочем, нейтральная зона в районе колодца контролируется с позиций разведвзвода.

– Понял. Но проверка будет не лишней.

– Согласен. Жду вас.

– Скоро будем.

Уложив рацию, Уланов приказал:

– Сержанту Хуни, осветить лицо!

Командир отделения выполнил приказ.

Командир группы отдал команду Демко:

– Костя, подойди к сержанту, посмотри лицо и скажи, что в нем особенного.

Демко удивился и подчинился.

Через секунды крикнул в обратку:

- У сержанта шрам над левой бровью, больше ничего.
- Хорошо, это свои. Пусть пошлет к вам двух бойцов дальше тащить Аль-Аграна.
- Есть!

Сержант выделил людей. Те потащили главаря банды под его злобное шипение. Аль-Аграна осыпал проклятиями солдат правительственной армии. Те в долгу не остались и заставили замолчать парой увесистых затрешин. За сирийцами и Аграном следом шли Лютиков и Молчунов, мало ли что. Но все прошло благополучно. В 9:03 группа с сирийским отделением и плененным полевым командиром поднялась по колодцу, что находился недалеко от здания размещения КНП – командно-наблюдательного пункта сирийского батальона. Встречал бойцов полковник Смолинский.

Тот хотел было обнять командира группы, но отшатнулся. Запах от Уланова и Чернова исходил еще тот.

– Рома, вы с Димой что, в сортире Аграна брали?

– Нет, пришлось падать, когда «духи» бросили гранаты в колодец. Лучше уж запах, чем дырки от осколков.

Полковник улыбнулся:

– С этим не поспоришь. Запашок отменный, аммиачный.

– Товарищ полковник?!

– Ладно, ладно. Так, Лютикову и Молчунову плененного в санчасть, там ему окажут первую помощь, наложат шины, в общем медики сделают все, что надо, Уланову и Чернову помыться в душе, переодеться. Остальным помывка, отдых, обед в 12.00. В 14.00 на территорию нашего местного госпиталя прибудет «вертушка», полетим в Хмеймим. Аль-Аграна очень ждут там. Выполнять, Уланов, задержись.

Офицеры пошли, кто к палатке, кто в санчасть сопровождать полевого командира, которого по-прежнему тащили сирийцы.

Уланов посмотрел на Смолинского:

– Вам немедленно нужен отчет о проведенной операции?

– Отойдем в тень?

Майор услышал какие-то странные нотки в голосе полковника. Они устроились на небольшом топчане под развесистой чинарой. Здесь было попрохладней, обдавал ветерок. А Смолинский даже на запах перестал реагировать. Все это было странным.

– В чем дело, Владимир Алексеевич?

– Это я должен спросить тебя, в чем дело.

– Не понял.

– Скажи мне, Рома, у тебя перед командировкой инцидент с начальником службы тыла главка был?

– Вот вы о чем? Был, но я уже забыл о нем.

– А вот генерал-майор Буленко не забыл.

– И что?

Смолинский достал пачку сигарет:

– Будешь?

– Можно.

Они прикурили по сигарете.

Смолинский сказал:

– Расскажи, что у тебя произошло с Буленко?

– Владимир Алексеевич, дайте привести себя в порядок. У нас еще будет время поговорить об этом случае.

– Ты не понимаешь всю серьезность своего положения. Так что произошло и почему я узнаю об инциденте последним из разговора с начальником управления генерал-лейтенантом Габрановым?

– Что, и Габранов в курсе?

– Да, Рома. Как ни печально, да.

– Но Буленко... Ладно. Рассказываю. За сутки до вылета сюда я получил короткий инструктаж у Захарова. Из кабинета заместителя Габранова пошел на выход. Вы знаете планировку штаба, кабинет генерала Буленко находится рядом с кабинетом заместителя. Мы задержались, времени было без двадцати восемь. Ну в общем прохожу мимо приемной начальника тыла, а оттуда женские возгласы, – да отстань ты, убери руки, что делаешь, сволочь, ну в этом роде. Я, естественно, заглянул в приемную. А там его превосходительство генерал Буленко изрядно пьяный рвет рубашку на заваленной на стол помощнице, прапорщике Титовой. Лиза отбивается, но вы же знаете, какой бугай этот Буленко. Рубашка Лизы в клочья, генерал полез под юбку. Титова мне, – помогите. Я, понятно, не мог отказать. Сбросил Буленко с Лизы. Скажу честно, действовал довольно жестко. Он ломанулся в кабинет, я за ним. Буленко выхватил свой табельный пистолет. Пришлось бить. Ударил по руке и в челюсть. Отрубил в общем. Сам в приемную. А Титовой уже нет. Убежала. Очнулся генерал, вышел, глаза кровью налились, заорал: – Ты что, майор, на генерала руку поднимать? Да я тебя засажу лет на десять. И назвал меня ублюдком. Так и сказал, засажу тебя, ублюдок. Через плечо его видел стол, на нем поллитровая бутылка коньяка, фрукты, еще что-то. Ну дал ему еще разок, чтобы успокоить на более длительный период. Хотел уйти. Но подумал, а если генералу плохо станет, все же второй раз я ударил от души. Подошел, ничего, дышит. Я присел на диван в его кабинете. Он пришел в себя через час. Испуганно отодвинулся по ковру, глядя на меня. Спрашивает: ты кто? Я: не узнали, товарищ генерал-майор? Он: а ты Уланов, а что произошло? Ну, думаю, не помнит и хрен с ним. Так даже всего лучше. Не знаю, – говорю, мимо проходил, увидел открытая дверь, зашел, а вы на полу. Я к вам, пульс есть, дыхание есть. Решил подождать, пока не придете в себя. Буленко поднялся, спросил: а где Титова? Я ту же самую песню, не знаю, когда заходил, ее не было. Он прошел к столу, повернулся, спросил: выпить хочешь? Я отказался, он выпил. Ну вроде полегчало, я спросил разрешения и ушел. Буленко остался в кабинете. Титову больше не видел. С утра мы готовились в учебном центре. Вот в принципе и все!

Полковник покачал головой:

– Да нет, Рома, это ты думаешь, что все. На самом деле ситуация весьма для тебя хреновая сложилась в Управлении. И я узнал об этом, когда группа уже ушла за Аграмом. Кстати, почему ничего не доложил мне?

– Да как-то нехорошо, товарищ полковник, стучать на других. Ну нажрался начальник тыла, видно повод был, напившись, захотел приударить за помощницей-секретарем. Она же незамужняя. Ну а потом уж не он буйствовал, а водка. Вернее, коньяк. Думал, в себя придет, извинится перед Лизой, со мной позже, после командировки поговорит. Чего же шум поднимать ненужный?

– Значит, не хотел шум поднять?

– Так точно!

– А вот Буленко поднял. Да такой, что мало тебе, Рома, не покажется.

– Вы это о чем, Владимир Алексеевич?

– Объясняю. Дождавшись, когда твоя группа вылетела в Сирию, а до этого сняв побои, которыми ты наградил его, генерал-майор Буленко написал рапорт о том, что это ты, пьяный, хотел изнасиловать его помощницу, прапорщика Титову, а когда он попытался остановить тебя, был избит. В общем, майор Уланов в нетрезвом виде пытался изнасиловать Титову, Буленко встал на защиту, и майор избил генерала. С этим рапортом начальник тыла пошел к гене-

рал-лейтенанту Габранову. Было назначено служебное расследование, комиссия подтвердила истинность содеянного.

От изумления Уланов открыл рот:

– Но... Владимир Алексеевич, как так может быть? Титова могла подтвердить мою правоту.

– Могла, но не захотела. Ты же знаешь, она одна, на теплом месте, терять которое глупо. А тут и Буленко надавил. Так что Титова дала показания против тебя.

– Я же защитил ее.

Полковник развел руки:

– Я-то верю тебе, но результаты проверки комиссии утверждены Габрановым.

– Но он же хорошо знает меня.

– А что он мог сделать? Когда перед ним выложили кучу бумаг, подтверждающих твою виновность? Порвать и обрывки бросить в корзину, заявив, вранье это все, я хорошо знаю Уланова?

Роман покачал головой:

– Понимаю. И что теперь? Трибунал?

– Ну этого Габранов не допустил. Он принял решение уволить тебя, тем более что минимальная выслуга у тебя есть, пенсию получишь, с учетом прежних заслуг.

– Вот так, значит? Ты воюешь, жизнью рискуешь, под пули лезешь, не задумываясь, а какая-то тыловая крыса одним рапортом вышвыривает тебя как изгаженный матрац на улицу?

– Что тебе ответить, Рома? Таковы жестокие реалии.

– Получается, мне надо было пройти мимо и дать Буленко надругаться над молодой женщиной?

Полковник повысил голос:

– Надо было сразу же доложить о произошедшем. И тогда Буленко ничего не смог бы сделать. Но твое благородие, видите ли, забыло о своих обязанностях. Причем в самый «подходящий» момент. Так что, Рома, в случившемся себя вини. Конечно, Буленко еще тот подонок, но первый ход сделал он. К тому же разница в званиях. Майору бить генерала – это все равно что сразу собираться в изолятор и дожидаться суда.

– Значит, я уволен?

– Да. Вернее, будешь уволен по возвращении. Тем же днем. У тебя в Москве квартира служебная?

– Личную я не заслужил. Три ордена мужества заслужил, а квартиру нет. В Переславе есть квартира, родителей.

Полковник спросил:

– К ним поедешь?

– Не к кому, отец три года назад умер, мама год. К себе поеду.

Смолинский задумался:

– Переслав, Переслав, нет, там сейчас у меня никого из хороших знакомых нет. Был, начальник Управления ФСБ по Переславской области, но пошел на повышение.

– Мне не нужен никто. Как-нибудь проживу.

– Ты вот что, Рома, ты не отчаивайся, я тоже, естественно, по возвращении поговорю и с начальником главка, и с Титовой, да и Буленко уже на пенсию пора. Сразу отыграть все назад не получится, а вот годика через два-три вполне.

Уланов невесело усмехнулся:

– И думаете, я вернусь?

– Это уже тебе решать. Думаю, вернешься. Ты человек войны, Рома, гражданская жизнь не для тебя. Ты будешь чувствовать себя чужим в гражданском обществе.

– Ничего, когда-то все одно пришлось бы увольняться, и еще неизвестно каким. Не исключено, что и в инвалидной коляске, а так приеду в родной город молодой относительно, здоровый. Работу подыщу. Да и одному мне много ли надо? Единственно о чем попрошу... хотя нет, сам разберусь.

– Ты это о чем?

– Так, о своем. Когда группа возвращается?

– «Шторм» пока остается здесь, поэтому передай командование капитану Чернову. В Россию полетишь один первым же рейсом.

– Ясно, разрешите идти?

– Обиделся?

– На обиженных кое-что кладут, обозлился. Буленко еще ответит за подлость.

– Ты дурию-то не занимайся?

– А вот распорядиться, товарищ полковник, вы теперь другими будете.

Уланов встал и пошел к палатке. Там сбросил экипировку, сдал автомат, снял форму, помылся в душе, переоделся в спортивные брюки и легкую майку, в Сирии было жарко, зашел в свой отсек большой офицерской палатки. Сел на кровать.

Вот и все, – подумал, – дослужился. Служил верой и правдой, и что в итоге? Выгнали за инцидент по кляузе старого развратника. И что обидно, генерал-лейтенант Габранов не защитил. А ведь сколько лет вместе? Эх, Максим Ефимович, не ожидал я от тебя такого. Но, видно, власть слишком заманчивая штука, чтобы разменивать ее на какого-то майора. У Управления пять боевых групп и резерв с роту. Как говорится, незаменимых людей нет. Но и черт с ними, хотя обидно...

В отсек зашел Чернов в спортивном костюме:

– О чем думы, командир? Почему кондер не включил? Жарко же.

Капитан щелкнул кнопкой, тихо зашелестела климатическая система.

– Что случилось, Рома? У тебя такой вид, будто не мы взяли Аль-Агрana, а он нас. И вот-вот отправит на эшафот.

Майор посмотрел на напарника:

– Дима, у тебя выпить есть?

– Нет, но знаю, где взять. Хочешь отметить удачную операцию?

– Знаешь, принеси.

– Коньяк, водку?

– Спирт или водку, если водку, то литр, и пакет сухого пайка.

– Добро. Сейчас организуем. Вот только парни увидят и тоже...

Уланов ударил кулаком по дужке кровати:

– Ты долго базарить будешь?

– Э-э, что-то у нас не так. Сейчас приду.

Чернов вернулся быстро, принес две бутылки «Столичной», пакет сухого пайка, выставил на стол. Открыл тушенку, достал галеты.

Уланов, не дожидаясь приготовлений, взял бутылку со стола, сбил крышку и в три глотка ополовинил емкость.

Поставив бутылку на место, прикурил сигарету.

Смотревший за этим Чернов присвистнул:

– Это что же могло так вывести тебя из себя, Рома?

– Ты парням сказал, чтобы не заходили?

– Я их предупредил.

– Хорошо.

Сделав несколько глубоких затяжек, майор допил бутылку, бросил ее в урну.

– Ни хрена себе? – воскликнул Чернов. – не ожидал. Ты же вроде как малопьющий, Рома, а оказывается...

– Наливай себе, пей!

– Повод – операция, или...

Майор прервал капитана:

– Или, Дима. Пей!

Чернов выпил сто граммов, закусил тушенкой, спросил:

– Так что произошло?

Уланов рассказал о происшествии в штабе Главного управления, о котором до того умалчивал, и о том, к чему все это привело.

Чернов был ошарашен:

– Но как же так, Рома? Тебя и уволили? Лучшего командира лучшей группы?

– При чем тут это?

– Да при том, что запахло.

– А начальству наплевать.

– Как же Лиза дала показания против тебя? Я ее хорошо знаю. Скромная, порядочная женщина. Всегда такая опрятная...

– Да при чем здесь это? Опрятная. Буленко тоже на службу приходит в мундире с иголочки. И надушен дорогим парфюмом, как элитная шлюха. Надавил на нее, Дима, неужели непонятно?

Чернов налил себе еще сто граммов, залпом выпил:

– Нет. Так такую подлянку оставлять нельзя.

– Не оставлю.

– Я не о том. Прямо сейчас пойду к парням, все расскажу, они за тебя горой, а после вместе к Смолинскому. Если тебя увольняют, пусть и остальных тоже отправляют в запас, в отставку, куда угодно.

– Прекрати!

– Что прекратить? Такую подлость прощать нельзя. А в Главке пусть новое расследование назначают. Но уже при нас.

– Группе задачи здесь выполнять. Не хочешь же ты, чтобы из-за моих проблем где-то погибли невинные люди? «Шторм» нужен здесь, значит, он останется здесь. А я? Я отвоевал свое и откомандовал. Принимай группу, я полечу в Россию, там попытаюсь разобраться, а нет, то и черт с ним. Уеду в Переслав. И без пререканий, пока еще я командир.

– Это форменный беспредел.

– Где-то по-другому? Как в стране, так и в войсках, и в спецслужбах. Иначе просто быть не может. Я все думал, и что это экономические форумы наши министры, бизнесмены начали в Сочи проводить? Сейчас понял.

– И почему?

– Золотая рыбка где обитает? В море. Вот и бросают по утрам наши экономические деятели невод, выловить эту самую золотую рыбку, дабы она сразу все проблемы решила, сами-то эти деятели ни черта не могут.

– Ты опьянел.

– Нет, Дима. Не берет. Злой я.

– Так и говорю...

– Все, – поднялся Уланов, – закончили базар. О нашем разговоре никому. В Хмеймиме оформим передачу дел, нам прорву бумаг изводить не надо, акт подпишем и... разбежимся. А сейчас, давай с ребятами на обед. А я полежу.

– Ром?!

– Иди, Дима! Все нормально, я не застрелюсь. После обеда экипировка, оружие и готовность к выезду в мобильный госпиталь к «вертушке». Вопросы есть? Вопросов нет. Выполняй приказ, капитан.

Махнув рукой, Чернов вышел.

Уланов упал на кровать. Он слышал, как ушла на обед группа. Закрыв глаза. Как обычно после боевых выходов в них стояли эпизоды проведенной операции. Взрывы, стрельба, перекошенные морды боевиков, рваные от пуль камуфляжи, крики, кровь, трупы. Это пройдет со временем. Он решил представить себе лицо Лизы Титовой, но оно размывалось рожами боевиков. Хотел вспомнить, какие у нее глаза. Не смог. Группа вернулась. Офицеры и прапорщики принялись собираться.

Поднялся и Уланов. Прошел в душ уличный. Постоял под струями холодной воды. Впрочем, алкоголь не взял. В палатке оделся, экипировался, забрал из пирамиды автомат. Объявил построение группы. Все как всегда, с одним отличием, это было в последний раз. Вот такая она реальная жизнь. Это не сказка.

В 14.00 Ми-8 поднялся над площадкой у российского мобильного госпиталя и, набирая высоту, взял курс на Хмеймим. С облетом Идлиба выходило примерно двести двадцать километров. Вертолет преодолел их за час. В 15.10 он приземлился на авиабазе.

Группу ждал микроавтобус, раненого главаря банды спецконвой на санитарной машине. Офицеров и прапорщиков спецназа доставили в отдельный модуль.

Чернов не рассказал бойцам о ЧП с Улановым. В отсеке майора они подписали акт сдачи-приема должности, Роман начал собирать тревожную сумку. Смолинского вызвали в штаб базы.

Оттуда он зашел к Уланову, который лежал под струями кондиционера в спальном блоке, готовый к перелету в Москву.

– Отдыхаем? – спросил полковник.

– А что мне еще делать, Владимир Алексеевич? К убытию домой готов, жду распоряжения.

– Это хорошо, что бойцы группы не знают о произошедшем и твоём возвращении. А то бунт бы подняли.

Уланов согласился:

– Они могут. Чернов знает, остальные нет.

– Это понятно. Акт подписали?

– Так точно. Когда будет борт?

– Через час посадка.

Уланов удивился:

– Уже через час?

– Да, мы удачно попали, в 16.30 вылетает в Москву Ил-76, следующий борт запланирован на послезавтра.

Роман взглянул на куратора:

– Вы сказали, мы удачно попали. Это я, по-моему, удачно попал.

– Да нет, летим вместе.

– Что так? И вы в чем-то провинились перед вышестоящим начальством?

– Нет. Я не провинился. Я нужен Габранову, а уж зачем, не знаю, мне в штабе сообщили лишь только, что в список пассажиров Ил-76 включены ты и я. Созвонился с Управлением. Начальника на месте не было, говорил с дежурным. Тот сказал, что ему приказано отправить за нами машину на аэродром. И то, что меня отзывает Габранов. Причина, естественно, дежурному неизвестна.

– А кто же курировать группу будет? Задачи ставить?

– Вместо меня прибудет полковник Захаров.

- А что не послали сюда Буленко?
- Должность у него, Рома, такая, заниматься снабжением.
- И секретарш в приемной лапать вдрабадан пьяным.
- Не будем об этом. Я пойду тоже соберусь. Через полчаса встречаемся у центра управления полетами.
- Я с ребятами проститься могу?
- Ох и не знаю. Должен, конечно, но стоит ли?
- Не по-человечески, если не прощусь.
- Ладно, только без эксцессов.
- Это обещаю.
- Хорошо.

В 16.10 майор Уланов простился с подчиненными. У тех была масса вопросов, а у Уланова не было времени. Так что проводы прошли в спешке. Никто ничего толком и не понял. А в 16.40, с отставанием от графика на десять минут, транспортный Ил-76 после короткой пробежки поднялся в воздух. Полковник Смолинский и майор Уланов летели в Москву. С ними еще около сорока человек и броневедомитель «Тигр», поврежденный выстрелом одноразового гранатомета во время патрулирования территории базы мобильным патрулем отдельной роты охраны стратегического объекта. Выстрел попал в капот, и личный состав патруля отделался легкой контузией. Повезло ребятам.

Глава вторая

Полет через воздушное пространство Турции в облет Украины прошел благополучно. В 20.24 московского времени Ил-76 плавно коснулся бетонки военного подмосковного аэродрома, пробежал километр с лишним, затормозил, вырулил к «Вышке», так в авиации называют центр управления полетами. Появились таможенники. Но все это формальность. Проверяли выборочно и только гражданских лиц, отбывших командировку в Сирии. Да и не был предусмотрен военный аэродром для полноценной работы таможенной службы.

Полковника Смолинского и майора Уланова встречал капитан Валерий Сухов, помощник полковника.

Офицеры поприветствовали друг друга. Капитан указал на черную «Камри» у «Вышки».

– Прошу в машину, товарищи офицеры.

– Мы должны ехать в Управление? – спросил Смолинский.

– Никак нет, товарищ полковник, мне приказано доставить вас домой, а завтра привести в Управление к 10.00.

– Но в это время у Габранова селекторное совещание.

– Насколько мне известно, оно перенесено на 12.00.

– Понятно.

Полковник кивнул на Уланова:

– Майора тоже доставишь домой и завтра привезешь в Управление.

– Так точно. После этого я в вашем распоряжении.

– Можно подумать, ты сейчас в чем-то другом. Ладно, поехали. День выдался тяжелый, надо хорошенько отдохнуть. Ты, – он взглянул на помощника, – звонил жене?

– Так точно. Она хотела ехать со мной сюда, но это... запрещено.

– Правильно, что не привез. По дороге смогу цветы купить, а здесь даже газонов нет. Поехали.

Офицеры прошли к «Тойоте». Полковник сел на сиденье старшего машины или переднего пассажира, Уланов устроился на заднем.

Капитан Сухов вывел автомобиль через служебный КПП. Их не остановили. До МКАД добрались быстро, а вот дальше начались проблемы. Внутренняя сторона кольцевой дороги была плотно забита. Пришлось плестись со скоростью десять-пятнадцать километров в час. Но хоть не стоять. Не лучше была обстановка и на Волгоградском проспекте, где вышел майор, когда часы показывали уже 21.45. «Тойота» с полковником вклинилась в транспортный поток и пошла дальше. Смолинский жил на проспекте Мира. Он попадет домой в лучшем случае через час, хотя пробки в Москве имеют странную и необъяснимую особенность внезапно рассасываться. То плетешься медленнее осла, то вдруг вся дорога пуста и разгоняешься до ста километров, чтобы через пять минут опять уткнуться в кучу машин на всех полосах.

Уланов зашел в гипермаркет, купил необходимых продуктов, блок сигарет, благо командировочные, полученные перед вылетом, в Сирии тратить было негде.

За гипермаркетом был его, вернее, конторский дом, так называемая пятиэтажная «Брежневка», на втором этаже первого подъезда которой он временно жил в однокомнатной квартире. Дома помылся, бросил форму в стиральную машину, будет время, постирает, а нет, то и так сдаст, все равно на выброс. Экипировка и оружие остались в Хмеймиме у Чернова, ему добавят офицера, как раз пригодится. Остался только наградной ПМ и три полные обоймы к нему. При награждении за заслуги при проведении боевых операций на Кавказе выдавались две обоймы, третью Уланов приобрел по случаю. Это было несложно. На рукоятке ближе к затвору табличка «Уланову Р.В. 2011 г.». К нему имелось разрешение, а теперь придется еще и зарегистрировать в полиции, приобретать сейф, то есть блюсти Закон об оружии. Впрочем, и

регистрации хватит. Уланов положил пистолет с магазинами в шкаф, туда же кобуру. Осмотрелся. Обстановка казенная, но он уже привык к ней. Придется передавать кому-то из подчиненных Буленко. А может, пригласить самого начальника тыла принимать хату да еще раз набить ему морду здесь без свидетелей? А лучше в присутствии соседа Витька. Тот за поллитра любые показания полиции даст. Но... хватит заниматься ерундой. Хочешь не хочешь, а опускаться до морального уровня генерала Буленко не следовало, даже для того, чтобы не потерять уважение к себе.

Он включил телевизор, тоже казенный.

На двух каналах шли сериалы, на третьем аналитическая программа. Знакомые физиономии разного рода политиков, экспертов, директоров и президентов всевозможных институтов, фондов, центров. Они рассуждали об обстановке в Сирии, в Алеппо. О господи, как же эти «специалисты» и ведущий далеки от реальности. Им бы гламурные скандалы обсуждать, а не то, что происходит в Сирии. Эта совершенно не имеющая отношения к действительности болтовня вызвала возмущение. Майор выключил телевизор. Прошел на кухню. Приготовил быстрый ужин, поел. В холодильнике стояла бутылка водки, но пить он не стал. Выкурив сигарету на балконе, он разложил диван, застелил бельем, лег и тут же уснул, уже без сновидений, запрограммировав подъем на семь часов. В 8.00 должен был заехать Сухов со Смолинским. Неприлично заставлять людей ждать. Тем более начальство. Хотя какое теперь Смолинский начальство? Так, хорошо знакомый человек, которого он искренне уважал. С завтрашнего дня у Уланова не будет ни начальников, ни подчиненных. А что будет? Этого не знал никто.

В семь часов понедельника, 11 июля, Уланов встал, убрал белье, сложил диван, сделал зарядку. Приняв душ, оделся в повседневную форму, возможно в последний раз, сварил себе кофе. Освежившись, присел к окну. Машину Смолинского увидел на въезде во двор.

Включил сотовый телефон:

– Здравия желаю, Владимир Алексеевич, вы в авто?

– Привет, Улан, да я в машине.

– Не пытайтесь въехать во двор, воткнетесь в кого-нибудь, я уже иду.

– Давай.

«Тойота» сдала назад.

В 9.20, пробок в понедельник хватало, машина въехала во внутренний двор Управления.

Капитан Сухов загнал ее под навес.

Полковник и майор прошли в здание. Внутренний наряд потребовал удостоверения, хотя прекрасно знал офицеров в лицо. Но служба есть служба. Прошли в кабинет Смолинского, который располагался на первом этаже. Полковник позвонил помощнику начальника главка, сообщил о прибытии.

Положив трубку телефона внутренней связи, полковник спросил:

– Чай, кофе?

– Нет, спасибо, – отказался Уланов, – я уже пил кофе.

– Ну а я заварю чай. Ребята второго отдела из Афгана привезли. Настоящий кандагарский чай.

– Они работали в Кандагаре? – спросил Уланов.

– Нет, группа проводила разведку в районе Джелалабада. А чай купили на рынке в Кабуле. Кстати, интересную историю рассказали.

– Что за история?

Время было, полковник начал рассказ.

– Парни группы, выполнив задачу, были скрытно перемещены в российское посольство в Кабуле. Но это технический вопрос. В общем собралась группа в посольстве, а домой отправляли по одному, как дипломатов. Командир и заместитель, естественно, должны были убыть последними. А сидеть в дипмиссии надоело. Обратились к секретарю посольства с просьбой

выйти днем в город. Тот неожиданно дал согласие. И пошли ребята с переводчиком и военным атташе в город. Дошли до площади, рядом базар. Вокруг афганцы. Смотрят исподлобья, собираются в кучи. Прислушиваются. Понятное дело европейцы, а может, и американцы в центре Кабула, где их ненавидят лютой ненавистью. Командир сказал атташе, зря оружия не взяли, налетят «духи», не отбиться, а атташе в ответ только усмехнулся. Афганцы же, услышав русскую речь, пошли к нашим. С улыбками, приветствиями. Начали по плечам хлопать, бормотать что-то. Переводчик перевел, – местные рады видеть русских. Подошел какой-то афганский бай или местный начальник, тоже радуется, а парни не понимают, с чего вдруг такая приветливость? Потом выяснилось, после того как в стране встали американцы и их союзники, даже самые махровые моджахеды, кто воевал с нами в восьмидесятые годы, признали, что борьба с русскими была ошибкой. Русские, мол, и дороги, и мосты, и школы, и больницы строили, много молодых афганцев уехало учиться в Союз, наши офицеры и солдаты не брезговали афганцами, а главное, в наших местные признали воинов, в отличие от американцев. А воинов там уважают. Поприветствовали и повели по рынку. Там торговцы давали русским товары, заместителю командира всучили целый мешок чая. Как закончили обход базара, афганцы повели наших в чайхану. Водку даже достали. Шашлык сварганили, люля-кебаб. Накормили, напоили, проводили. Наши спецы в шоке были. Они скрытно лазили по горам, стараясь не попасть на глаза местных, а местные рады им. Считают дорогими гостями.

Уланов проговорил:

– Похоже на сказку. Хотя и по «ящику» показывали, как наши ветераны той войны встретились с ветеранами-душманами в ущелье, где захоронены останки наших десантников, бившихся до конца, последний раненый лейтенант, чтобы не попасть в плен, подорвал себя гранатой. И несмотря на то что десант положил чуть ли не сотню «духов», их похоронили с воинскими почестями. А затем смотрели за братской могилой, а потом сами предложили приехать нашим ветеранам и решить вопрос о перезахоронении на Родине.

– И об этом мне ребята рассказывали.

Пока говорили, полковник заварил чай. Он получился темно-зеленым и необыкновенно ароматным. Смолинский пил его аккуратно, мелкими глотками, с удовольствием.

В 9.40 позвонил помощник начальника Главного управления, сообщил, что генерал Габранов подтвердил прием офицеров ровно в 10.00. Попросил подойти в приемную.

Смолинский и Уланов прошли к приемной начальника Главка.

Помощник-капитан не предложил ни чаю, ни кофе, ни воды.

Поднялся, поприветствовал старших офицеров строго по Уставу и сказал:

– Присаживайтесь, пожалуйста, ожидайте вызова.

Офицеры сели на стулья, стоявшие вдоль стен просторной приемной.

Начальник Главного управления отличался пунктуальностью. Ровно в 10.00 помощник поднял трубку коммутатора:

– Я, товарищ генерал... есть!

Он положил трубку, поднялся, обратился к прибывшим:

– Товарищи офицеры, генерал-лейтенант Габранов ждет вас. Проходите в кабинет.

Первым вошел куратор группы «Шторм»:

– Разрешите, товарищ генерал-лейтенант?

– Да, входите.

Полковник и майор вошли, доложили о прибытии, поприветствовали начальника.

Габранов указал на кресла стола приставки:

– Присаживайтесь.

Офицеры подчинились.

Генерал сказал:

– Мне доложили, как блестяще группа «Шторм» решила задачу в Алеппо. Выражаю свою благодарность вам.

– Служим России.

– И я должен бы дать команду полковнику Смолинскому подать представление на присвоение майору Уланову звания Героя России по данной операции и по совокупности заслуг перед Родиной, а также к внеочередному званию подполковника. Но вместо этого поставлен в положение, когда обязан сообщить тому же Уланову, что мною принято решение о его увольнении. Справедливо? Нет. Законно? Да. И то, и другое, но нарушителей дисциплины, нарушителей Закона у нас не награждают, не повышают в звании.

Он повернулся к Уланову:

– Что скажешь, майор, по поводу инцидента с генералом Буленко?

Уланов доложил все как было.

Габранов кивнул:

– Знаешь, майор, я не исключаю, что так оно и было на самом деле. Ты хотел защитить женщину, похвально. То, что она оговорила тебя, недоказуемо, недопустимо, но объяснимо. Прапорщик держится за должность. У меня вопрос, майор. Если требовалась защита женщины, то ты не мог обойтись без рукоприкладства? Зачем бить генерала?

– Он сам попер на меня.

– Почему тут же не вызвал в приемную дежурного офицера с нарядом, почему не сообщил об инциденте полковнику Смолинскому?

– Я же уже говорил, в конце концов Буленко вроде пришел в себя. Мне показалось, что он под кайфом, извините, сильно выпивший просто не контролировал себя. Зачем поднимать шум? Титова тогда уже убежала, Буленко успокоился, мы разошлись.

– Хочешь почитать показания генерала и прапорщика?

– Нет!

– Почему?

– А смысл? Если по мне все уже решено.

– Что, по-твоему, должен был сделать я, получив заключение комиссии, в котором четко прописана твоя вина?

– У меня ни к кому нет никаких претензий, товарищ генерал-лейтенант. Одно прошу, давайте закончим этот бесполезный разговор и я займусь оформлением документов.

Генерал взглянул на Смолинского:

– Смотри, ершится. А ты, майор, – Габранов вонзил взгляд на Уланова, – не подумал, что по результатам внутреннего расследования я должен был передать документы в следственное управление? И загремел бы ты под трибунал.

– Большое спасибо, что не сделали этого.

– Спасибо! Пожалуйста. Документы в строевой части уже готовы, начфин получил указания рассчитать тебя и выплатить положенную сумму, как уволенному по выслуге лет. Должность ты передал, так что не требуется подписывать «бегунок». Хочу узнать, что думаешь делать дальше, Роман Владимирович?

Уже уволенный майор усмехнулся:

– Это так важно для вас?

– Прошу ответить на вопрос.

– Уеду. На Родину, в Переслав. И начну новую жизнь.

– Уверен, что получится?

– А что остается? Нет, конечно, есть и другой вариант, пристрелить подонка Буленко и застрелиться самому, но это как-то глупо. Так что попытаюсь жить на гражданке. В конце концов голова, ноги, руки есть, не пропаду.

– Ну что ж. Жаль, что так получилось. Это я тебе искренне говорю. Но изменить, к сожалению, ничего не могу. А ты на гражданке не забывай службу, возможно, потребуется помощь. Ты не стесняйся, обращай к полковнику Смолинскому. Надо будет, я подключусь.

– Благодарю, думаю, обойдусь без проблем.

Генерал вздохнул:

– Затаил обиду. Плохо. Очень плохо.

Габранов поднялся. Пришлось выйти к офицерам.

– Я действительно очень сожалею о случившемся, имея в виду увольнение лучшего офицера. Удачи тебе, майор, и не забывай, что здесь у тебя осталось много друзей.

– Спасибо. Разрешите идти?

– Иди, Роман Владимирович, полковник Смолинский, задержись.

Уланов вышел из кабинета приемной, прошел в строевой отдел. Там получил все необходимые в данном случае документы. Сделали запись об увольнении в удостоверении. Поставили печати. В финчасти ему выдали шестьсот тысяч рублей и довольствие за будущий месяц. С деньгами и горечью в душе майор запаса прошел во двор. Капитан Сухов предложил:

– Тебя подвезти, Рома, Смолинский разрешил.

– Обойдусь.

– На меня-то чего злишься?

– Извини, Валер, но я доеду до дома на такси.

В строевой части ему объявили о решении генерала Буленко сдать квартиру в течение целого месяца. Расщедрился, сука. Но Уланов не собирался оставаться в Москве и до завтра.

Дома Уланов подготовил квартиру к сдаче, то, что было приобретено им и не могло быть взято с собой, часть он выбросил, часть оставил на месте. Собрал вещи. Да вещей тех было один костюм, тройка сорочек, несколько рубашек, джинсы, куртки осенние и зимние, обувь. Все это упаковал в чемодан. Включил ноутбук, посмотрел расписание поездов и электричек, отходящих с Казанского вокзала. Все они шли через Переслав, одни через вокзал Переслав-1, другие через Переслав-2. Оформил закупку билета на проходящий поезд Москва – Ростов. Он отправлялся в 0.10. Четыре часа в пути, как раз на рассвете будет в родном городе, спокойно доберется до квартиры, которой теперь суждено стать постоянным жилищем майора в запасе. Подготовившись, решил позвонить Ларисе. С этой женщиной он познакомился недавно, весной. Она работала в гипермаркете менеджером продаж. Там и встретились, когда Уланов покупал утюг. А вечером они уже ужинали в ресторане, потом занимались любовью в этой квартире. Все произошло естественно, словно так и должно быть. А в принципе, почему бы и нет. Он один, она одна, ему нужна женщина, ей мужчина. Понравились друг другу, к чему лишние движения, ухаживания, ахи и вздохи. Время проводили вместе, когда он был свободен, что случалось нечасто. Но никаких претензий у Ларисы это не вызывало. Она умела довольствоваться тем, что есть, и не строила планы на будущее. Они жили настоящим.

Уланов набрал ее номер.

Она ответила:

– Рома? Привет, ты вернулся?

– Привет, Лара, да, я в Москве, дома.

– Встретишь после работы?

– Нет.

Лариса удивилась:

– Почему? У тебя появилась другая женщина?

– Нет, просто в ночь я уезжаю в Переслав.

– Туда-то тоже в командировку?

– Совсем.

– В смысле?

– Я уволился и теперь свободен как ветер, ты можешь ограничить эту свободу, если поедешь со мной.

После секундной паузы молодая женщина, Ларисе исполнилось двадцать четыре года, ответила:

– Знаешь, Рома, мне очень хорошо с тобой. И я хотела бы продолжить отношения, но, извини, не в каком-то захудалом провинциальном Переславе.

– Это довольно большой город.

– Я в Москву из такого же приехала. Рада была тебя слышать, всего хорошего.

И все! Короткие гудки. Называется, поговорили. А что он ждал? Что Лариса бросит работу в Москве? Уедет с ним в Переслав? На это глупо рассчитывать. Она найдет себе другого и будет жить, как жила, выйдет замуж за москвича, и все у нее будет хорошо. Уланов тоже мог бы остаться в Москве. Такие спецы, как он, в столице дорого стоят. Любой богатенький «Буратино» взял бы его в личную охрану на приличный оклад, да еще и хату неровня этой снял. Но не мог жить в Москве Роман. Долго не мог. Другие бросают все и стремятся в столицу, где зарплата гораздо больше, даже чем, скажем, у заместителя регионального министра. Ну если не дворника, то клерка средней руки в каком-нибудь торговом офисе точно. А он не мог так. Душила его Москва. И в переносном, и в прямом смысле. Да и особо большие деньги ему не нужны. Семьи нет, а много ли одному надо? В строевой сказали, что пенсия будет около тридцати тысяч. Этого вполне хватит. А там и работенка, возможно, подвернется. Можно в полицию пойти, хотя нет, хватит, послужил. Недолго, но и этого хватило. Другие за всю жизнь не увидят и десятой доли того, что видел и испытал на себе он. Хотя, что самого себя обманывать, служил бы и дальше, если не этот случай с генералом Буленко. Как говорил Смолинский, он, Уланов, человек войны. А ведь это действительно так. Но что прошло, то прошло. Впереди новая жизнь, чуждая, непонятная, привыкать придется. Привыкнет. Или запьет. Как уж выйдет. Главное, прожить так, как писал классик, чтобы не было стыдно. Ему не будет стыдно, даже если и сгорит от водки. Он для Родины сделал много. А Родина? Но Буленко это еще далеко не Родина.

Прервав размышления, которые захватили его после короткого разговора с Ларисой, Роман прошел в гипермаркет. В продуктовый, Лара работала этажом выше. Купил две бутылки водки. Прошелся по проспекту. Времени у него была уйма. Погулял в сквере у театра. Начался дождь, не по-летнему мелкий, нудный. Пришлось вернуться домой. Такси он заказал на 22 часа. До вокзала доехал без остановок. Без двадцати минут до ноля часов он предъявил удостоверение и билет пышных форм проводнице и зашел в купе номер три. Там уже сидел мужчина лет сорока со своеобразной внешностью, в очках, листавший какие-то бумаги.

– Добрый вечер! – поздоровался Роман.

Мужчина взглянул на него с какой-то подозрительностью:

– Да уж ночи скорей.

– Ну тогда доброй ночи!

Уланов забросил чемодан на верхний багажный отсек, сумку поставил под полку, на свободное пространство. В купе больше никого не было.

– Роман, – представился Уланов, – еду до Переслава.

Мужчина ответил взаимностью:

– Игорь Васильевич, тоже еду до Переслава.

– Попутчики, значит.

– Да.

Мужчина убрал бумаги в кейс, спросил:

– Вы не в курсе, в это время проводница чай приносит?

– А вы что, первый раз на поезде едете?

– Не первый, но давно не ездил, все больше на машине, а вот на этот раз пришлось поездом.

– Понятно. Спросим, она же придет забирать билеты и давать белье.

– На четыре часа?

– Да хоть на два. Положено.

– Вы военный?

Уланов улыбнулся:

– А что, заметно?

– Да.

– Был военным. Уволился, вот теперь на свободных хлебах.

– Семейю раньше в Переслав отправили? Или...

– Или... нет семьи, один я на всем белом свете. Пойду покурю, пока проводница занята.

А то потом достанет нытьем, закон, мол, не разрешает.

– Дело ваше.

Уланов вышел из купе и едва не столкнулся с молодой женщиной, тащившей тяжелый, судя по ее измученному, но оттого не утратившему красоты лицу, чемоданище. Раньше, когда советские войска стояли в Восточной Европе, такие чемоданы называли оккупационными. Смолинский рассказывал, ему пришлось два года оттарабанить в Венгрии.

Женщина вскрикнула, вскинув глаза:

– Ой!

– Извините, ради бога, не заметил, – извинился Уланов.

– Да вы ни при чем, это я уже из последних сил тащила ношу, ничего не замечая.

– Что же вы грузчика не наняли?

Женщина ответила кратко:

– Дорого!

Да, грузчики на вокзале работают далеко не по таксе. Завышают сумму на несколько порядков выше тарифа.

– Давайте я вам помогу, какое купе?

– А следующее, за вашим.

– Понял.

Уланов взял чемодан и удивился, как такой груз могла нести эта с виду хрупкая женщина, в нем было не меньше тридцати килограммов.

– Да, чемодан еще тот.

– Это мне сестра подсобила. Просила передать подруге, которая должна встретить. У меня самой всего дамская сумочка.

– Интересно, что это положила в чемодан ваша сестра?

– Не знаю. И даже не представляю.

– У вас нижнее место?

– Да.

– Ну хоть не поднимать.

Уланов внес чемодан в соседнее купе, где не было никого, поднял полку, поставил чемодан в нишу, опустил полку, присел на нее. Напротив села женщина. Она платком, который заполнил купе нежным запахом дорогих духов, протерла лицо.

– Устала!

– Надо думать. А как вас зовут?

– Людмила.

– Далеко едете?

– В Переслав.

– Какое совпадение, и я туда же. Роман.

– Очень приятно.

– Мне тоже.

Он заметил в ее сумочке пачку сигарет:

– Курите, Люда?

– Да. Но это последняя пачка. Решила бросить.

– Кто-то говорил, это очень просто, сам бросал много раз.

Женщина рассмеялась.

– Я шел в тамбур, как раз перекурить, не составите компанию?

– А чемодан?

– Ну его даже при желании не так просто стащить.

– Вы правы, пойдете.

– Слушай, Люд, давай на «ты», а то как-то неудобно.

– Давай.

– А я смотрю, ты совершенно без комплексов.

– Это смотря в чем!

– Понял!

Они прошли в тамбур, где двери входные были закрыты. Достали по сигарете, Уланов щелкнул зажигалкой.

Разговор пошел непринужденный, словно они познакомились не несколько минут назад, а знали друг друга давно.

Людмила как-то беззаботно рассказала о своей жизни. Родилась в Переславе, отца не помнит, мама живет в районном центре, она окончила медицинский университет, работает врачом в поликлинике, по специальности стоматолог. Имеет приработок в частной клинике. Не замужем. Вернее, была, но развелась после года семейной жизни. Здесь она сделала паузу, выпустив к окну облако дыма.

– Семейная жизнь, наверное, не для меня. Муж был хорошим человеком, да и остается таковым, женился второй раз на ее бывшей однокурснице и ничего, живут вполне счастливо, сейчас подруга беременна. А я... не знаю почему, не хочу детей, видно, не развился во мне еще материнский инстинкт.

– Или муж не давал того, что тебе нужно в постели.

Людмила внимательно посмотрела на Уланова:

– У тебя тоже эта проблема?

– Нет. Я в отличие от тебя женат не был, а женщины? Они, конечно, были и оставались довольны.

– Отчего ж тогда разбегались?

– Все это было временно и несерьезно. Для серьезных отношений время нужно, а вот его-то как раз и не хватало.

– Почему?

– Потому, что служил я в такой конторе, где особо сидеть дома не давали.

– ФСБ?

– Без комментариев.

– Значит, ты офицер?

– Запаса. Майор запаса, хотя какое это сейчас имеет значение?

Дверь в тамбур была приоткрыта, могли просматривать проход вагона.

Людмила воскликнула:

– Ой, проводница.

– Что, уже посадка закончилась?

– Нет, это не та, что билеты проверяет. Идет сюда.

– Как говорится, шухер.

Он открыл дверь в междвагонный тамбур, они выбросили окурки и двинулись навстречу проводнице. Та уступила дорогу у туалета. Повела носом:

– Курили?

Людмила хотела ответить, но Уланов взял ее под руку:

– Идем. Не пойман, не вор.

– Теперь она будет следить за тамбуром.

– А мы в туалете.

– Нашел тоже место.

– Шучу, обведем как-нибудь проводницу, да и ехать нам всего четыре часа. Да, сразу вопрос на засыпку, проводить позволишь?

– Посмотрим! Сейчас подруге сестры позвоню, чтобы не забыла свой чемодан забрать, а то придется его домой переть.

– Разумно.

Она зашла в свое купе, туда же заглянул и Уланов, там молодая пара, судя по тому, что держались за руки, как смотрели друг на друга – влюбленная пара. В купе же Улана новых пассажиров не было. Все тот же неторопливый и какой-то напряженный Игорь Васильевич. С кейсом между ног.

– Покурили?

– Да.

– Вот попадетесь проводнице, вызовет наряд полиции, и налетите на штраф.

– А я аккуратно.

– Все так считают. Кстати, ваше белье.

Он указал на стопку под подушкой.

– Не думаю, что пригодится, а чай вам обещали?

– Да. Принесут, как тронемся. Сколько осталось?

Он посмотрел на часы.

– Еще три минуты, если по графику.

Уланов откинулся на спинку:

– Сейчас с этим вроде порядок. Задерживаются редко.

– Значит, вы уволились?

– Да.

– И чем, извините, думаете на гражданке заниматься?

– Не знаю.

– Как так можно?

– Можно. Не представляю, что и где найду так, чтобы и не в напряг, и с нормальной оплатой.

– Ну это тяжело.

Роман в свою очередь спросил:

– А вы кем, если не секрет, трудитесь, Игорь Васильевич?

– Я – помощник мэра города.

Уланов удивился:

– Вот как? Как говорится, удачно я попал к вам в соседи. Такие знакомства очень полезны.

– Не стройте иллюзий, Роман, я не занимаюсь устройством на работу.

– Да? Ну тогда не очень полезное знакомство. Ну и ладно. Выпить не желаете?

Мужчина резко ответил:

– Нет, не пью.

– Да я в общем-то тоже не увлекаюсь, просто время скоротать.

Мужчина уперся:

- Не пью!
- Ну и ладно, что вы разволновались, не хотите, не надо. Я тоже не буду.
- И правильно.
- Вы всегда все делаете правильно?
- Стараюсь.
- Семья, дети?
- Женат, сын окончил университет, работает в Москве.
- А я в Москве не могу.

Игорь Васильевич никак не прокомментировал эту фразу и вообще замолчал, глядя в окно. Проводница крикнула:

- Провожающих прошу покинуть вагон, через минуту отправляемся.
- Поезд плавно тронулся и пошел от вокзала.

Игорь Васильевич упорно смотрел в окно.

Оторвался от этого увлекательного занятия, когда пышного вида проводница принесла чай.

Взяла билеты, плату за постель, отдельно с помощника мэра за чай. Спросила и Уланова:

- Вам чай не принести?
- Нет, спасибо, не надо.
- Обычно мы идем от Москвы до Переслава без остановок, но сегодня порядок изменен.

Так что не удивляйтесь, если встанем на минуту на станции Либов.

Игорь Васильевич спросил:

- С чем это связано?
 - Мне это неизвестно. Наверное, кто-то важный выйдет или, напротив, сядет в поезд.
- Она ушла.

Уланов проговорил:

- Важные на поезде не ездят.

Попутчик ответил:

- Не скажите, вот мой босс часто на электричке ездит. И в автобусах, и на маршрутках.
- Желает быть ближе к народу?
- Это его обязанность.
- Ну может и так. Чай-то нормальный?
- Сносный! Хлоркой отдает, но что еще ждать в поезде.
- Ну да.

Состав вышел за пределы Москвы, за окном редко пробежали фонарные столбы, иногда поселки, переезды. А в общем темень.

Игорь Васильевич зашторил окно.

Уланов сказал:

- У вас вид уставший, прилегли бы, все-таки четыре часа. За это время можно отдохнуть.

Мужчина словно впился взглядом в Уланова:

- Не стоит беспокоиться обо мне.
- Станный вы человек. У вас в мэрии, я имею в виду на «верхушке», все такие?
- Обычные люди.
- Я бы не сказал, но не буду навязчивым. Каждый волен делать то, что хочет.

Он выглянул в проход. Там худенькая женщина у окна, видно, попутчик переодевается. Не все же едут до Переслава. Хотя довольно странно, что в это время года вагон полупустой. Зимой еще понятно, но летом? Обычно летом билеты на южное направление не купить.

Прошел час. До промежуточной станции в Либово минут тридцать.

Уланов поднялся, вышел в коридор.

Попутчик проводил его напряженным взглядом. Закрыв дверь.

Да, подумал майор запаса, странный тип, или может везет какую-нибудь служебную документацию или деньги? Ну и черт с ним.

Он встал напротив двери купе Людмилы.

Женщина будто почувствовала это, вышла.

– О! Ты?

– Между нами, по-моему, какая-то невидимая связь. Я только подумал о тебе, и ты появилась.

Людмила рассмеялась:

– Не надейся, что, разрешив проводить, я обязательно приглашу тебя на чашку кофе.

– А не обязательно?

– Курить?

– Если есть желание.

– Пойдем. Кстати, ты не знаешь, где проводницы?

Он обернулся, посмотрел на соседнее купе, оттуда слышался разговор.

– Ну судя по тому, что говорят две женщины, проводницы в своем купе. И одна из них должна лечь спать.

– Ну тогда пойдем.

Они прошли в тот же тамбур. Закурили.

– Роман, а почему ты не женился? – неожиданно спросила Людмила. – офицер, майор, жилье наверняка дали бы, а сейчас и зарплата у военных вполне сносная.

– Не зарплата, а денежное довольствие. Да с этим проблем не было. Служил я в Москве. Имел служебную квартиру, даже холостой.

– Вот видишь? Отличные условия. В чем же проблема?

– Да в вас, в женщинах.

– Что ты говоришь? Конечно же, не встретил ту, которой был бы готов посвятить жизнь, да?

– Как-то так.

– А может, проблема в другом?

– Ты спрашиваешь, как женщина? Нет, с этим все в порядке.

– Я не это имею в виду.

– А что?

– Может, устраивало то, что было? Короткие интриги, секс безо всяких обязательств, отсутствие постоянно чего-то желающей женщины в доме, привычка к покою и одиночеству?

На этот раз рассмеялся Уланов:

– Ты права, но и женщины, которую взял бы в жены, не встретил.

– Еще встретишь.

– А может, она это ты?

– Не надо так топорно подбивать клинья, майор.

Рассмеялись оба.

Дверь перехода открылась, в тамбур вошли трое мужчин. Все в ветровках, на головах капюшоны. Один из них бросил быстрый взгляд на кутивших. Людмила машинально прижалась к Уланову.

Троица прошла в вагон.

Уланов спросил:

– Ты что, Люда, испугалась?

– Да как-то неожиданно появились эти и есть в них что-то угрожающее.

– Не бойся, пока ты со мной, тебе никто не страшен.

– А ты не слишком самоуверен?

– Нет!

Дверь со стороны вагона распахнулась внезапно. До появления троицы она была приоткрыта, дабы контролировать коридор, крайний из прошедших мимо захлопнул ее. И поэтому пышного вида проводница, как говорится, взяла Романа и Людмилу с поличным:

– Курите, молодые люди?

Люда обернулась.

– Курим, что уж скрывать, милая дама, – вздохнул Уланов, – но больше, честное пионерское, не будем!

– Не будете, конечно. Я вот сейчас наряд вызову, полицейские оформят протокол. И придется вам платить штраф.

– Может быть, по-хорошему договоримся?

Проводница посмотрела на майора:

– Ну что с вами делать? Плохо, что закон не исполняете. От того у нас в стране и бардак. Одни нарушают, другие договариваются, взятки берут. И так везде.

Уланов видел ее глаза, потому пошел в атаку:

– Тысячи хватит?

Проводница в тот же момент усмехнулась, оттянула карман на форменной рубашке.

Уланов положил туда тысячу.

– Убирайте окурки, и чтобы я вас здесь больше не видела. Иначе вызову наряд.

– Договорились.

Людмила и Роман выбросили окурки, проводница первой двинулась в вагон. Они за ней. Видимо, Улан почувствовал опасность. Он всегда чувствовал угрозу, это выработалось за годы боевой работы. Но не видел ее. Хотя... дверь в его купе была приоткрыта. А помощник мэра закрывал ее, это он отчетливо помнил. Может, душно стало, открыл проветрить?

Проводница, проходя мимо, бросила взгляд в купе и вскрикнула:

– Боже ж ты мой, что это?

Она отшатнулась к окну.

Людмила, не успевшая закрыться у себя, встревожилась:

– Что случилось?

Уланов, видя, как побледнела проводница, посмотрел в купе.

Игорь Васильевич, откинувшись к стенке, хрипел. На груди расплывалось кровавое пятно, под столиком виднелась заточка, кейса не было.

Роман бросился к нему:

– Игорь, кто, за что?

Глаза помощника мэра затягивала пелена, но он проговорил:

– Это Боган, флешка под ковриком, только генералу ФСБ... Кар... Кар...

Кровь хлынула ртом, и помощник мэра умер. Судороги сотрясли тело.

Уланов оглянулся.

Проводница исчезла, Людмила стояла спиной, ее плечи вздрагивали, видимо, рвотные позывы.

Впервые увидела убитого человека?

Он приподнял коврик, там лежала микроскопическая, не более ногтя, черная флешка. Майор забрал ее. Поднялся. Вышел из купе. Приобнял женщину:

– Ну что ты, Люда?

– Ой, не могу.

Она бросилась к туалету.

Из служебного купе появилась вторая проводница.

Сообщила, что вызвала наряд.

Полицейские появились тут же, когда поезд встал на станции Либов. Старший наряда, бравый лейтенант посмотрел в купе, зашел, поднял и опустил руку мертвого мужчины. Аккуратно, чтобы не затоптать следы, вышел в коридор. Взглянул на Уланова.

– Вы попутчик этого... мужчины? – он кивнул на труп.

– Да!

– Сержант, проверь документы!

Лейтенант достал портативную рацию:

– Дежурный? Лейтенант линейного отдела полиции Ивашин, задержите поезд Москва – Ростов, здесь убийство и вызовите следственно-оперативную бригаду местного отделения внутренних дел с труповозкой!

В то же время Уланов достал удостоверение, протянул сержанту.

Тот представился:

– Сержант Колотов.

– Очень приятно.

Колотов взглянул на «корочки», обратился к старшему наряду:

– Товарищ лейтенант?

– Да?

– Тут это! Спецслужба.

Ивашин взял удостоверение. Он был опытнее сержанта, посмотрел документ, спросил:

– Фамилия, имя, отчество?

– Уланов Роман Владимирович.

– Специальное звание?

– Майор.

Лейтенант сверил фотографию с оригиналом, внимательно осмотрел печать, пролистал страницы, на одной остановился:

– Ага! Бывший майор. Уволен по статье... пункт... позавчера. Значит, на данный момент сугубо штатское лицо.

Уланов сказал:

– Тебе ли, лейтенант, объяснять, что бывших офицеров не бывает.

– Как и многих других. А разве мы с вами пили на брудершафт, Роман Владимирович?

– В чем дело?

– В том, что я попросил бы обращаться к представителю власти подобающим образом.

– Извините, товарищ лейтенант, а может, господин лейтенант?

За окном уже переливалась сине-красными огнями сигнальная мачта полицейской машины. Прибыла следственно-оперативная группа.

Первым зашел следователь.

Представился. С этим у них было все в порядке.

– Капитан Жданов Виктор Александрович.

Лейтенант назвал себя и сержанта.

Уланову представляться не пришлось, старший наряда передал следователю его удостоверение. В купе зашел эксперт-криминалист с чемоданом, к присутствующим оперативникам.

– Ну и что произошло? – спросил у Уланова следователь.

– А вы, товарищ капитан, сами не видите?

– Гражданин капитан.

– С каких пор? Я арестован?

– Вы задержаны до выяснения обстоятельств смерти вашего попутчика.

– У вас есть на это право?

– Представьте себе, да!

Эксперт вышел:

– Очевидное убийство, Витя, – обратился он к следователю, – рядом с трупом и орудие убийства, заточка. Произошло оно не более получаса назад, тело еще мягкое и не остыло.

– Заточку забрал?

– Естественно, но думаю, отпечатков на ней мы не найдем.

– Следы?

– Все сделали что надо.

– Посмотрим. И спроси, что там у Гены.

Эксперт прошел к служебному купе, повернулся, ответил:

– Заканчивает показания снимать. Еще минут пять.

– Труп здесь тебе еще нужен?

– Нет!

– Тогда позови бригаду, пусть выносят.

Эксперт пошел в основной тамбур.

Следователь зашел в купе, приподнял полку Романа. Там пусто, взглянул на верхний багажный блок.

– Это чей чемодан? – спросил он у Уланова.

– Мой. И сумка моя. А вот кейса, который был у убитого, назвавшегося помощником мэра Переслава, отсутствует. Видимо, убийцы захватили его с собой.

– Убийцы?

– Да, я, – Уланов не стал втягивать в это дело Людмилу, – курил в тамбуре и был замечен проводницей, той, что крупнее. И до ее появления через тамбур из соседнего вагона в этот перешли трое мужчин.

– Мы поговорим об этом. Но не здесь. Забирайте вещи и на выход.

Уланов снял чемодан, взял сумку.

Вышел. Из своего купе появилась Людмила, сунувшая ему записку. Следователь не заметил это. На выходе майор смог посмотреть, что в записке. Там оказался номер сотового телефона. Он запомнил, номер был не сложный, а память у майора хорошая, выбросил бумажку под колеса состава.

В 2.05 он с вещами вошел в кабинет следователя.

А Жданов объявился через час в 3.20.

Уланов спросил:

– Вас обучают методам работы НКВД периода тридцатых годов?

Усталый следователь сел в кресло:

– Приношу вам свои извинения.

– За долгое ожидание?

– За задержание, для которого не было оснований.

– Вот как?

– К сожалению, это выяснилось недавно. Проводница Блинова Елена Макаровна подтвердила, что на момент убийства вы с соседкой по купе курили в тамбуре. Видела она и перемещавшихся троих мужчин. Не понимаю, почему вы скрыли нахождение с вами в тамбуре женщины?

– У нее, капитан, чемодан очень тяжелый.

Следователь с удивлением посмотрел на Уланова:

– А при чем здесь чемодан?

– Вы бы тоже задержали ее, пришлось бы бедняжке тащить этот чемодан.

– Вы это серьезно?

– Зачем вмешивать в дела мужчин женщину?

– Но она – это свидетель в вашу пользу.

– Обошлись же и без нее?

– Обошлись. Да еще, дежурный по станции видел, как из последнего вагона после прибытия спецгруппы вышли трое мужчин и ушли за состав. Так что и ваши показания подтвердились. Насчет кейса тоже. Этот кейс был у одного из троих.

Уланов спросил:

– Это значит, что я свободен?

– Да, и еще раз извините.

– Да не стоит. Служба есть служба.

– Это так, одно мне непонятно, вы позавчера старший офицер Главного управления по борьбе с террористической угрозой службы безопасности командир специального подразделения и не разглядели в освещенном тамбуре лиц проходивших мимо людей? Хотя вам не до того было.

– Не в этом дело. А в том, что они все трое были в ветровках с поднятыми капюшонами. Один бросил взгляд на нас, но я увидел лишь его глаза. Какие-то мутные. Остальное закрывал капюшон. Так что разглядывать особо было нечего.

– Понятно. У нас в семь утра сотрудник едет в Переслав по личным делам. Может подбросить и вас. А до этого я устрою вас на отдых.

Роман поинтересовался:

– А такси у вас в это время найти можно?

– Ну наш городок хоть и провинция, но не такая уж глухая. Можно вызвать такси. Только дорого обойдется поездка.

– Ничего. Вызовите, пожалуйста, такси!

– Как скажете.

Капитан набрал номер. Переговорив с диспетчером, сказал:

– «Рено», номер... Будет у отдела через десять минут.

– Ну и хорошо. Я пошел?

– Вам помочь?

– Не надо.

Выйдя из отдела полиции, первым, что сделал Уланов, так это вбил в свой телефон номер Людмилы. А тут и такси подъехало.

Глава третья

Машина встала прямо у входа. Из нее вышел пожилого вида мужчина, на вид ему было не менее шестидесяти лет.

– Кого тут в Переслав везти?

Уланов улыбнулся:

– А что, незаметно?

– Для порядку спрашиваю.

– Открой багажник, дядя.

– Зови Матвеичем, а тебя как?

– Роман.

– Угу!

Таксист открыл багажник, Уланов поставил туда чемодан.

Матвеич поинтересовался:

– А чего не спрашиваешь, во сколько тебе поездка обойдется? Сам понимаешь, время сейчас позднее или раннее, один черт, и платить придется за проезд туда и обратно, а это выйдет за триста верст.

– Сколько?

– Три тысячи.

– Это еще по-божески.

Уланов знал расценки московских и подмосковных таксистов, случалось, приезжал домой на такси.

– Четыре, – хитро щурясь, посмотрел на пенсионера таксист.

– А вот это уже дорого.

– Ладно, шучу! Три, значит три. Бросай сумку в салон и поехали. Даст бог, через полтора часа довезу до дома. Только в городе дорогу сам показывать будешь, Я в Переслав, конечно, езжу, но обычно до автовокзала или до остановки первой маршрутки.

– Покажу.

– Ну тогда, по коням?

– По машинам.

– Военный, что ли?

– Был, уволился.

– Рановато вроде.

– Так получилось.

Они сели в «Логан», и водитель выехал с площадки у ОВД на дорогу, ведущую к шоссе. На трассе спросил:

– Музыку включить?

Уланов отрицательно покачал головой:

– Нет. Голова болит.

– Таблетка есть.

– У меня и действенной лекарство имеется.

Таксист понял:

– Ты выпей, стакан в бардачке, там есть бутерброды, старая моя успела сунуть перед отъездом.

– Так пройдет. Но музыки не надо.

Водитель поинтересовался:

– А чего, если не секрет, тебе тачку из РОВД вызывали? Случилось что?

– Так, ерунда. По ошибке задержали.

– С поезда сняли?

– А ты, Матвеич, наблюдательный, раз чемодан, то, значит, куда-то ехал. Автобусы не ходят, значит, поезд.

– Да, но только вот поезда у нас не останавливаются, только экспрессы и электрички. Они ночью не ходят.

– Сегодня сделали исключение.

– Да? И почему?

– А в купе со мной, я имею в виду в котором и я ехал, неизвестные грохнули мужика-попутчика.

Таксист открыл рот:

– Чего? Грохнули? Совсем?

– Совсем. Заточкой в грудь.

– Ни хрена, ерунда? Молодой попутчик-то был?

– Лет сорока, может, больше, может, меньше.

– Да, дела. Я уж думал, прошли те времена, когда людей пачками клали из-за разной мелочи.

Уланов вздохнул:

– Оказывается, еще не совсем прошли.

– Да. Куришь?

Уланов утвердительно кивнул:

– Курю.

Водитель со своего места приоткрыл окно.

Майор закурил.

Таксист поинтересовался:

– А служил где и на какой должности? Офицер? Прапорщик? Контрактник?

Роман улыбнулся:

– А тебе, Матвеич, какая, собственно, разница?

– Да никакой, но надо же о чем-то говорить?! Нет, если хочешь вздремнуть, то базара нет, отдыхай, помолчу.

– Дома отдохну. А служил я в штабе дивизии мотострелковой, в московской области, должность... так себе... помощник начальника штаба, майор. Теперь в запасе. Не воевал. Короче, штабная крыса. Этого достаточно?

Таксист кивнул:

– Достаточно, но не похож ты на штабиста, но это не мое дело. Чего рано уволился? Или уволили?

– Сократили. Должность лишней признали, а ехать на новое место службы на Дальний Восток отказался.

– Понятно. На хрена он сдался, этот Дальний Восток после Подмосковья. На пенсию-то хоть наслужил?

– Будет пенсия, вопрос, какая?

– Все больше, чем я получаю. Нам со старой по двенадцать тысяч родное государство определило.

Уланов поддерживал разговор, хотя особого желания к этому не испытывал, но и обижать этого добродушного дядьку не хотелось.

– Если на двоих, то не сказать, чтобы мало.

– За хату заплати, за ЖКУ, тепло, свет, воду, а теперь еще и за капремонт какой-то, лекарства купи, старая моя последнее время здоровьем сдала, а сколько стоят таблетки в аптеке, сам знаешь. Хотя откуда тебе знать, молодому и здоровому. И остается тысяч десять. Проживешь на них месяц? Вот и подрабатываю. Хотя это не запретили.

Роман спросил:

– А как же льготы? Вам, пенсионерам, – он рассмеялся, – а теперь и мне льготы положены.

Водитель бросил взгляд на него, не теряя контроль за трассой:

– Правильно сказал, что теперь и тебе льготы положены. Узнаешь, как это у нас эти самые льготы получить. Задолбишься по конторам разным бегать да справки собирать. Там и подохнешь в очереди за этими льготами. Не страна, а...

Он открыл окно, сплюнул на дорогу:

– Бардак, короче. Я вот чего, майор, понять не могу. Неужели у нас из ста сорока миллионов пару сотен способных мужиков и баб подобрать не могут, чтобы управлять страной народу на пользу, а не во вред?

– Эка взял пару сотен. Ты футбол смотришь?

– Болельщик с детства и все время за «Спартак», а что?

– У нас одиннадцать футболистов из ста сорока миллионов, ну может меньше, потому как мужиков найти не могут. Ведь как играют? Позорище.

– Ну это ты слишком. Иногда и немцев, и англичан, и португальцев громят.

– Вот именно, что иногда.

– Сам-то за кого болеешь? А, ну да, за ЦСКА, ты же военный.

– Не угадал, мне все равно кто играет, лишь бы футбол был интересный, а не мудовы страдания. За сборную да, но это святое.

Уланов выбросил в свое окно до фильтра выкуранный окурочок.

Таксист продолжил разговор:

– А я в Чехословакии служил, в танковом полку, наводчик.

– И как там, в Чехословакии, было?

– У меня сосед недавно в Чехию ездил, и чего разъединились Чехия и Словакия, дружно, хорошо ведь жили, так он рассказывал, как и что там сейчас. И знаешь, судя по его рассказу, в конце семидесятых там лучше было, но это, конечно, по сравнению со Связом.

– С чем? – удивился Уланов.

Таксист усмехнулся:

– Связ по-чешски Союз.

– А?!

– Я рядовым оттуда и джинсы, и батники, и хрусталия немного, и подарки родителям да сестре привез тоже, что тут за хорошие деньги не купить было. А я за семьдесят крон чешских в месяц приобрел. Это по тогдашнему курсу семь рублей. За год скопил шестьсот крон, шестьдесят рублей, и на это купил. Тогда же у нас одни джинсы можно было за двести рублей легко загнать. Но сам носил, форсил.

– Крутым на то время был.

– Не то слово, девки за мной знаешь как бегали?! Но время летит, и где эти «золотые» времена?

– Ну прямо уж и золотые.

– Когда молодой, майор, все вокруг прекрасно.

– Это верно.

Трасса в это время суток была пуста, поэтому сто пятьдесят километров пробежали быстро. Слева и справа пошли мотели, отели, рестораны, кафе, шашлычные, заправка. На посту ДПС лениво прогуливался инспектор. Не его время. Водители фур сейчас отдыхают. Вот перед сменой через час может и выловит старший лейтенант кого. А пока он зевал, постукивая себя по ноге дорожным жезлом.

На «Логан» он не обратил никакого внимания.

Проехали микрорайон, у автовокзала таксист сказал:

– Ну а теперь, Роман, показывай дорогу.

– До железнодорожного моста, он будет пересекать дорогу сверху прямо, потом за ним на светофоре направо.

– Хорошо, это бы запомнить.

Он довел машину до светофора:

– Значит, направо?

– Да. Потом налево и у следующего светофора опять налево.

Так, ведя штурманом автомобиль, Уланов доехал до девятиэтажного дома.

– Здесь, командир.

– Это ты командир, я рядовой, – притормаживая, ответил таксист.

Встал у первого подъезда.

Уланов достал три тысячные купюры, протянул водителю:

– Держи, Матвеич, как договаривались.

– Угу!

Он взял деньги, засунул в карман рубашки. Открыл багажник.

Вовсю уже светило солнце, но народа не было. Уланов забрал сумку, чемодан, пожелал таксисту:

– Счастливого обратного доехать.

– Спасибо. И тебе удачи, майор.

Матвеич уехал, Уланов зашел в подъезд, вызвал лифт, поднялся на четвертый этаж. Достал ключи и вошел в квартиру № 14, из которой пахло чем-то далеким, родным и немного затхлым.

Оставив чемодан и сумку в прихожей, он прошел в гостиную, где стоял диван, два кресла, стенка с телевизором, видеомэгагнитофоном и музыкальным центром, книжный шкаф и торшер. На полу старый ковер, на потолке хрустальная, привезенная отцом из командировки на Кубу люстра. Раздвинул шторы, сдвинул тюль, открыл окно, то же самое проделал в спальне, где из мебели была двуспальная кровать, платяной шкаф, трюмо, на полу палас, на стене картина и бра, простенькая люстра, что и в гостиной. Свежий воздух пошел в квартиру.

На кухоньке в шесть квадратов ютился холодильник советского производства, стол, четыре стула, навесной ящик, тумбы умывальника, висела решетка для тарелок. Здесь он ограничился форточкой. Сел на стул у окна, прикурил сигарету, сняв с холодильника пепельницу.

– Ну вот и дома. В новой жизни.

Выкурив сигарету и затушив окурки в пепельнице, Уланов занес чемодан, сумку, распаковался, разложил одежду в шкафу спальни, крупные предметы разложил по полкам стенки. В них осталось много просроченных лекарств. Надо выбросить. Наградной пистолет, заряженный одной обоймой, положил на полку с видеокассетами, рядом две запасные обоймы. Надо зарегистрировать оружие в полиции. Но это потом. Как необходимые дела были сделаны, он прошел в ванную комнату, встал под душ. После душа оделся в спортивные брюки и майку, на ноги тапки. Крепкие тапки, он их носил еще школьником. Ему бы лечь спать, отдохнуть после насыщенной событиями ночи, но не давала покоя флешка и последние слова умирающего помощника мэра: «Это Боган, флешка под ковриком, только генералу ФСБ Кар...» Фамилию он договорить не успел. И что интересно было на флешке, из-за которой, скорее всего, и погиб Игорь Васильевич. И где служит генерал Кар. Вряд ли возглавляет Управление ФСБ в Переславской области, хотя флешку погибший вез не в Москву, а именно в Переслав. Но это легко проверить.

Он взял ноутбук, привезенный с собой, подаренный ему парнями группы на тридцатилетие. Попытался включить. Не получилось, аккумулятор сел, пришлось подключать к сети.

Народ в подъезде начал просыпаться. Раздались приглушенные и неразборчивые голоса сверху, затем снизу, закашлял сосед через стену. Наверняка был с бодуна, как, впрочем, и

раньше. Сколько помнил себя Роман, столько дядя Коля, или Николай Петрович Озеров, или просто Петрович, пил запоями с редкими перерывами.

Жил он один, жена ушла через год после свадьбы, детей не было. Да и женщин у дяди Коли Рома не замечал. Хотя когда это было. Кашель за стеной перешел в какие-то непонятные звуки. Уланов догадался, рвать соседа потянуло. Так и умереть может или «белочку» словить, она как раз приходит не когда пьешь, а когда отходишь от пьянки. А у него две бутылки водки. Придется помочь человеку, хотя, конечно, помощь эта только во вред. Но жаль мужика. Хороший по натуре, защищал его в свое время. И с девушкой из соседнего класса привечал, чтобы родители не узнали.

Уланов забрал со стола бутылку водки, вышел в коридор. Позвонил в квартиру тринадцать. Хозяин открыл не сразу. И выглядел он как черт, если сравнивать описание черта Гоголем.

– Ктой-то?

– Не узнал, Петрович?

– Рома, ты, что ли?

– Я.

– В отпуск али как?

– Не важно. Плохо?

– Не то слово. Если не подохну, то с катушек слечу сто пудов. У тебя есть, чем похмелиться?

Уланов протянул ему бутылку водки:

– Держи!

– Ай, Рома, ай, благодетель, храни тебя Господь. Наконец-то в этом дерьмовом подъезде появился один нормальный мужик. Прикидываешь, Рома, вчера, считай, все хаты обошел и просил-то всего сто рублей, копейки по нынешним временам. И не дал никто. Это разве люди? Раньше при коммунистах такого не было. Раньше всякий дал бы если не деньги, то стопарик или на худой конец одеколон. А сейчас зимой снега не выпросишь.

Роман улыбнулся:

– Сто рублей найти не мог, как же нажрался?

– Так это, Мелод вчера зарплату в ЖКО получил. И литруху принес, рыбки вроде еще, не помню.

– А кто такой этот Мелод?

– Да гастарбайтер из Таджикистана, дворником у нас пашет.

– Но мусульмане не пьют. Им религия запрещает.

– Вот Мелод тоже так говорит. Но нельзя это там, в Таджикистане, а здесь, мол, Аллах не видит. Свинину, говорят, тоже есть нельзя, а в армии все за милую душу уминали. И ничего. Каждое правило, Рома, обязательно должно иметь исключения, иначе...

Он оборвал речь, икнул, побледнел:

– Извини...

И, прижав к груди бутылку, ринулся в туалет.

Уланов прошел к себе. Включил ноутбук. Тот работал. Подождал, пока установится, вставил флешку. Открыл нужное окно.

И побежали по экрану цифры вперемишку с буквами.

Но не хаотично, а в определенном порядке.

– Черт, – проговорил Уланов, – зашифровано. Но что мог шифровать помощник мэра или даже сам мэр? И шифр непростой. Ему самому приходилось пользоваться шифром для передачи секретных данных, но шифр, что применен здесь, гораздо сложнее. Пролистал страницы, следом за шифровкой пошли фотографии. Мужчины, женщины, фон. Съемка велась в разных местах, но, видимо, одним аппаратом, будь то фотоаппарат или смартфон. Черт, как

он не посмотрел у убитого телефон? Хотя это была бы уже кража и проверь его следователь, вряд ли отпустил бы с извинениями. Он дождался, пока закончится информация, вытащил флешку, открыл поисковую систему. Вбил запрос – Управление ФСБ по Переславской области. Открылся официальный сайт. Начальник, замы, часы приема и прочая информация для обывателей. Фамилия начальника не начиналась на буквы Кар, а других генералов в Управлении не было. На всякий случай проверил так же УВД, УМЧС, налоговиков. Нигде начальника Кар...

– И что с этим делать? – спросил он сам себя. – выбросить? Но из-за этой информации и из-за тех бумаг, что лежали в кейсе и могли быть оригиналами, перенесенных на флешку документов, неизвестные пошли на убийство. Значит, им или их заказчику очень важна данная информация. Но что ему-то делать? Позвонить Смолинскому? Может, его заинтересует? Да, пусть с этой информацией разбираются люди, оставшиеся на своих должностях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.